

САМАЯ БОЛЬШАЯ КНИГА О ГЛАВНОМ

Щедрина Н.М. **«Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века.** – М.: Памятники ист. мысли, 2010. – 336 с., ил.

Несмотря на бесспорный авторитет А.И. Солженицына как выдающегося общественного деятеля, бесстрашного борца с тоталитарным режимом, яркого публициста, споры о его писательском даровании, о его месте в литературном процессе, начавшиеся ещё при жизни писателя, не утихают до сих пор. Тем более это касается его произведений, полностью построенных на документальном материале, где художественность, кажется, должна отступить под натиском голого факта. В связи с этим следует приветствовать литературоведческие исследования, авторы которых стремятся выявить, как идеи А. Солженицына – мыслителя и публициста обретают художественную «плоть и кровь».

Особое место в творчестве А. Солженицына занимает его десяти томное «повествование в отмеренных сроках» «Красное колесо», над которым писатель работал до последних дней своей жизни. Это самое масштабное произведение русской литературы XX века, в котором на обширнейшем фактическом материале воссоздаётся картина исторической жизни России конца XIX – начала XX века, прослеживается, что привело нашу страну к революции 1917 года. В «Красном колесе» автор синтезирует опыт эпопеи, исторического романа, документального и публицистического повествования. Немногие исследователи исторической и художественно-документальной прозы, немногие знатоки творчества А. Солженицына рискуют обратиться к этому грандиозному полотну. Неудивительно, что эта книга остаётся одним из наименее изученных произведений писателя.

Монография Н.М. Щедриной, посвящённая анализу «Красного колеса», вышла в серии «Памятники исторической мысли». Однако автор анализирует не только документальную основу книги и даже не только художественную философию истории, воплощённую в этом эпическом полотне, но стремится выявить природу его художественности, новаторство его жанровой формы.

И всё же главная особенность книги Н.М. Щедриной, выделяющая её на фоне других исследований, посвящённых «Красному колесу», заключается в том, что солженицынское «повествование в отмеренных сроках» представлено здесь в контексте развития исторической прозы русского зарубежья, а также советской и постсоветской метрополии. По масштабу охвата это задача архисложная, даже если учесть, что Н.М. Щедрина давно занимается изучением исторической прозы, в том числе и русского зарубежья, является автором целого ряда работ,

посвященных творчеству А. Солженицына, поэтике исторического романа, его историософской проблематике.

Н.М. Щедрина анализирует итоговое произведение писателя, а это предполагает постоянное обращение к другим его вещам, рассмотрение «Красного колеса» в контексте всего творчества Солженицына. Уже в первом параграфе первой главы монографии, где прослеживается, как прояснялся замысел «Красного колеса», выявляются его жанровые переключки с «Архипелагом...», через анализ публицистики Солженицына и его «Дневника Р-17» характеризуется авторская рефлексия над собственным творчеством.

Как справедливо отмечает Н.М. Щедрина, необычайная сложность анализа «Красного колеса» заключается в том, что этот эпический роман, вначале опубликованный фрагментами, в дальнейшем постоянно редактировался автором. Переписывание отдельных глав не прекращалось даже после того, как книга была полностью опубликована сначала в 20-томном собрании сочинений А. Солженицына, издававшемся в Вермонте и Париже, потом в отдельных российских изданиях и, наконец, в 30-томном собрании сочинений. Включение в монографию фотографий титульных листов первых зарубежных, а затем и российских изданий «Красного колеса», его избранных глав, отдельных страниц романа с авторской правкой дают возможность читателю самому понять, как уточнялся, корректировался замысел романа. В параграфе, который Н.М. Щедрина назвала «Аргорос», даётся тщательный анализ этих авторских правок.

Стремление выявить жанровое своеобразие произведения А. Солженицына побуждает исследователя к сопоставлению, к поиску в обширном поле исторической прозы его «ближних» и «удалённых» контекстов. Сопоставление идёт как в плане проблематики, так и в плане жанровой специфики, особенностей поэтики. В поле зрения Н.М. Щедриной находится широчайший круг вопросов: идейно-художественная интерпретация разными авторами исторического развития России, их понимание движущих сил истории, идеи национального единения и причин трагической разобщённости русского народа, эволюции освободительного движения, причин и истоков терроризма, художественное исследование феномена предательства, трактовка личности различных исторических деятелей, философия и психология их поступков, а также многое другое.

Автор обнаруживает типологические сходства «Красного колеса» А. Солженицына с историческими романами Д. Балашова и романом-эпопеей В. Астафьева «Прокляты и убиты», с романами о народовольцах Ю. Трифонова и Ю. Давыдова, а также выявляет жанровые переключки с произведениями представителей разных поколений русского зарубежья: Д. Мережковского, М. Алданова, В. Максимова. Можно спорить о том, насколько правомерны те или иные параллели, насколько убедительно в каждом конкретном случае исследователю удалось их прояснить, но нельзя не признать актуальности и значимости постановки вопроса о типологических сходствах, позволяющих выявить своеобразие идейно-эстетической позиции автора «Красного колеса».

Н.М. Щедрина концентрирует внимание на разных жанровых модификациях исторического романа, намечает векторы его развития, при этом постоянно чувствуется, как много материала осталось у исследователя «за кадром», ведь речь идёт не просто об одном масштабном десятитомном труде А. Солженицына,

но о романах и романых циклах многих писателей, очень разных в художественном отношении. Важно, что избранному принципу типологического сравнения автор следует и в дальнейшем: если в первой главе внимание преимущественно концентрируется на проблематике, то во второй и третьей главах – на различных аспектах поэтики.

Ещё один важнейший контекст романа «Красное колесо» – это контекст философской мысли. Он проясняется во второй главе монографии, где рассматривается историософия А. Солженицына. Необычайно интересно прослежен диалог-спор писателя с такими выдающимися философами, как Н. Бердяев, К. Леонтьев, И. Ильин, с такими мыслителями, как Л. Толстой и Ф. Достоевский. Каждый из них по-своему повлиял на формирование солженицынской концепции истории, русской революции, на его понимание роли исторической личности и вечных вопросов о загадке русской души, о судьбе русского народа, о проявлениях народного духа.

Не менее интересно построена и третья глава монографии, в которой продолжается начатый во второй главе анализ художественной структуры романа «Красное колесо», в частности, рассматриваются такие аспекты, как сюжетная роль мотивов и лейтмотивов, формы художественной условности (символика, метафорика, функции снов, природных образов), особенности ритмической организации книги и т. п. Так, продолжая типологическое сравнение, Н.М. Щедрина прослеживает организующую роль в романе «Красное колесо», а также в произведениях М. Алданова, Ю. Трифонова, Ю. Давыдова мотивов «бесовщины», «нетерпения», «двойничества», «игры», «карнавала» и «маскарада», «фатума», связанных с целым комплексом тем, которые ещё в XIX веке были полемически заострены Ф. Достоевским: это темы национальной исключительности, свободы и несвободы, опасности для общества утраты нравственных ориентиров, способности отличать истинное от мнимого, опасности превращения исторической арены в арену игры, в парад масок. Исследование в данном аспекте художественной ткани романа-эпопеи А. Солженицына позволяет, с одной стороны, выявить его связь не только с классической традицией, но и с традицией модернизма, а с другой – даёт возможность почувствовать его связь с новейшей литературой XXI века.

Завершая разговор о том, какое место занимает «Красное колесо» в контексте творчества А. Солженицына и в литературном контексте второй половины XX века, Н.М. Щедрина выделяет два вектора, определяя их как «моноцентричность» и «литературоцентричность». Хотя автор придаёт этим понятиям свой, несколько непривычный смысл, но в принципе идея рассмотрения итогового произведения А. Солженицына как некой точки притяжения и одновременно точки отсчёта представляется вполне оправданной. Именно в этой части работы становится в полной мере очевидно, что «Красное колесо» – книга, к которой писатель фактически шёл всю жизнь, начиная с первых юношеских опытов и до последних своих дней. Об этом свидетельствует масса переключек на уровне тем, мотивов, имён героев, отдельных деталей, выявленных Н.М. Щедриной при соотношении романа-эпопеи с другими произведениями А. Солженицына, написанными на разных этапах его творчества. С другой стороны, «историческая эпопея» «Красное колесо» вобрала в себя все узловые проблемы

исторической прозы второй половины XX века и отразила тенденцию синтеза жанровых форм, характерных для литературного процесса второй половины XX века. Всё это позволяет Н.М. Щедриной сделать вывод, что «Красное колесо» по отношению к произведениям М. Алданова, Ю. Трифонова, В. Максимова, Ю. Давыдова и других исторических романистов само способно стать синтезирующим контекстом.

В заключение следует отметить, что, хотя книга Н.М. Щедриной представляет собой серьёзное монографическое исследование, написана она доступным и для широкого читателя языком, содержит массу интересной информации, включая иллюстративный материал, способный привлечь не только специалиста-филолога.

*Т.Г. Прохорова,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Казань*